

CLXXXIX

«Ядущий хлеб сей жить будет вовек»
«Qui manducat hunc panem vivet in aeternum»

5 июня 1455
праздник Тела Христова
Брюнек

1. «Ядущий хлеб сей жить будет вовек»¹.

Помимо уже сказанного в других проповедях этого праздника² стоит обратиться к тому, что «хлеб жизни»³ - это пища нетленная, поскольку обеспечивает жизнь вечную.

«Один только Бог обитает в бессмертии»⁴, - сказано у Павла в 1 Тим. 6. В то же время мы говорим, что Бог «есть на небесах»⁵. Надо думать, что обитание и есть бессмертие; и тогда, коль скоро в Боге «обитать», или «иметь[ся]» (inhabitare seu habere), значит «быть»⁶, Бог и есть само бессмертие. Точнее, чем бессмертие, бесконечную жизнь не обозначить, поскольку невозможность умереть – это максимум жизни, которая здесь уже не может быть ни больше, ни меньше, и следовательно бесконечна.

Бог – бесконечная сокровищница⁷ жизни. Умная природа живёт только обладанием мудростью; тот ум (intellectus), что сам и есть мудрость, живёт бесконечной жизнью.

С другой стороны, мудрец питает своим словом тех, кого зовёт разделить с собой и причаститься животворящей мудрости. Христос – хлеб жизни, или Слово Отца, и поэтому, будучи вечным Словом Бога Отца-Животворца, питает вечной жизнью. Христос есть животворящее Слово Отца, Который животворит через посылание животворящего и от Отца исходящего⁸ Духа.

Что Премудрость светла и неувядающа, что Она обеспечивает бессмертие, что Она лучше всех богатств, что без сравнения превосходит всё, что можно помыслить, - это показано в книгах Премудрости⁹. Премудрость даёт «правый

¹ Ин. 6, 59; чтение: Ин. 6, 56-59

² проповеди в праздник Тела Христова: LXII-LXIV (вторая половина 40-х гг.), CCXXXIV (1456) и CCLXXXVI (1457)

³ Ин. 6, 48

⁴ «inhabitabit immortalitatem» - ср.: 1 Тим. 6, 16: «solus habet immortalitatem, et lucem inhabitat inaccessibilem»

⁵ Мф. 6, 9

⁶ см: ССХVI, 26 (и прим.)

⁷ Прем. 7, 14; «infinitus thesaurus» - цсл. «неоскудно сокровище», синод. «неистощимое сокровище»

⁸ из Никео-Конст. символа

⁹ Прем. 6, 12; 15, 3; 7, 8-9

суд»¹⁰; «*правда бессмертна и вечна*»¹¹ потому, что она – плод Премудрости. «*Праведники - как сказано мудрецом в 1 и 5 главах Премудрости - жить будут во веки*»¹².

2. Итак, бессмертие обеспечено мудростью; уловить это сможешь через зрительное уподобление: око ума относится к чувственному оку, как истина – к подобию. Среди чувств зрение – самое благородное, как и ум [или интеллект] – самая благородная из способностей души. Взгляд живёт от света и светом: уберечь свет, и видеть станет невозможно, а видеть для взгляда и значит жить. К чему бы не устремился взгляд, всё *приходит к нему вместе* со светом. Так же соотносятся и мудрость с умом, поэтому мудрец в 7 главе Премудрости и говорит, что «*предпочёл её свету*» («*ибо неугасимо блистание её - сияния вечного света, непорочного зеркала величия Божия и образа благости Его*»), и что «*вместе с нею пришли к нему все блага*»¹³.

И как желанный взгляду свет нисходит от источника чувственного света, т.е. от солнца, так мудрость – от сотворившего солнце; отсюда у мудреца: «*Даруй мне приседящую престолу Твоему премудрость*»¹⁴. Как взгляд в отсутствие чувственного света полностью лишён действительной жизни и неспособен даже ощутить себя существующим, так и ум в отсутствие света духовного, или умного, неспособен ни жить действительно, ни вкушать жизнь, поскольку действительность его жизни – понимание (*intelligere*), и вне этой действительности ему понять, что живёт, невозможно. Мудрость – свет истины; как [глазу] не увидеть видимого без света, так уму [не увидеть] истины без мудрости. Зрение утверждает, что со светом не сравнится ничто: ввиду его все вещи [только и] делаются видимыми и поэтому без света будут для зрения словно несуществующими. То же происходит и со всем умопостигаемым в отсутствие умного света.

Истину доносит до верной души Слово Божие; Слово – это Премудрость, а истина – питающий предмет. Так свет доносит до взгляда цвет, а цвет есть тот предмет, что питает зрение. Цвета происходят исключительно от света; так и истины вещей – исключительно от вечной Премудрости, так как Она – «*мать всего*» (Прем. 7)¹⁵. *Пребывающая во веки веков истина* – вечная пища, которая видна только мудрому; мудрость, следовательно, свёртывает в себе всё желание нашего духа. И как абсолютный цвет – это свет, так абсолютная истина – это вечная Премудрость. Отсюда истинное питание взгляда есть свет; впрочем, и всё питающее взгляд – тоже не что иное, как свет в его источнике. А мудрость есть истинное питание ума, и всё, что питает его – тоже не что иное, как мудрость в её

¹⁰ Пс. 118, 137

¹¹ Прем. 1, 15

¹² Прем. 1, 15; 5, 15

¹³ Прем. 7, 10-11 («блистание» (цсл) – «lumen»); 7, 26 («сияние» (цсл), «отблеск» (синод.) – «candor»)

¹⁴ Прем. 9, 4

¹⁵ Прем. 7, 12 (синод. «виновница»)

источнике. Взгляд, лишённый света во тьме, находится в смертельной беде; так и о лишённом умного света уме говорят, что он во тьме и в смертельной беде.

3. Христианская вера в душе – словно взгляд: когда грех разделяет христианина с Богом (грехи, по слову пророка, разделяют¹⁶), тогда взгляд оказывается во тьме. Неверность в душе – словно слепота: не совершивший действительного греха язычник не только страдает, как и христианин-грешник, но вдобавок ещё и лишён зрения, подобно слепорождённому, который даже не испытывает потребности в зрении, коего в отличие от христианина никогда не имел.

А у тебя зрение здоровое, и поэтому по сравнению со слепорождённым можешь считать себя богачом. Ты ведь не согласишься лишиться зрения ни за какую вещь; уже распробовав *сладость* зрячей жизни и *приятность* света, ты ничего из когда-либо виденного тобою не предпочтёшь свету (Еккл. 11: «*Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце*»¹⁷). Так и отведавшему умом мудрости уже известно её превосходство надо всем, что можно помыслить или понять, и что в понимании её заключено для ума высшее наслаждение и бессмертная жизнь. Не найдётся человека, который согласится лишиться ума даже за все вещи мира.

И поскольку ум без мудрости – неживой ум, то тогда без мудрости уму невозможно и счастье. Только в мудрости животворящая жизнь для него. Всякому человеку хватает своего ума для возможности счастья, но чтобы [действительно] быть счастливым, всякий стремится к мудрости: «*презирающий мудрость и наставление несчастен*» (Прем. 3)¹⁸. Всякий ум делает счастливым одна и та же мудрость, от которой каждый берёт, сколько ему требуется; точно так же одно солнце, света которого достаточно для всех глаз, и один источник, из которого множество жаждущих напивается, сколько кому нужно. Говорящее в сегодняшнем евангельском чтении о Себе Слово Божие есть Отчая Премудрость, питающая в виде *живого хлеба*, чтобы «*ядущий его жил вечно*»¹⁹.

4. Следует разобрать ещё слова Христа: «*Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье*»²⁰; а в другом месте сказано: «*Напитает его хлебом жизни и ума, и спасительной водою мудрости напоит его*»²¹. Все [эти] телесные способы подкрепления следует понимать духовно как подкрепление душ, ибо все [приведённые] *слова*, если понимать их духовно, *суть дух и жизнь*²². Соответственно, всё, что подкрепляет тело: плоть ли, хлеб ли, мёд ли, кровь, вино или вода, - в переносном понимании подкрепления разумной души означает слово Божие. Сказано же самой Истиной: «*Не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих*»²³. И чувственный хлеб, и слово Божие – питание человеку, состоящему из тела и разумной души.

¹⁶ Ис. 59, 2

¹⁷ Еккл. 1, 7

¹⁸ Прем. 3, 11

¹⁹ Ин. 6, 51

²⁰ Ин. 6, 55

²¹ Сир. 15, 3 (Вульг.)

²² Ин. 6, 63

²³ Мф. 4, 4

Слово Господа есть Премудрость Его (об этом говорит мудрец в 9 главе Премудрости: «*Боже отцов наших и Господи множества милости, сотворивший всё Словом Твоим и Премудростью Твоею устроивший человека*»²⁴); стало быть, Словом Божиим, или Премудростью Его, питается та часть [человека], что способна премудрость усвоить – разумная душа. Христос же - *легат*, говорящий слова не Свои, но Божии; но так как Он и Сам есть Слово Божие, то является также и животворящим душу *хлебом* и *образом благодати*²⁵ Бога Отца.

5. Мудрец учит нас, как следует достигать мудрости: «*Начало её есть искреннейшее вожделение учения, а забота об учении - любовь, любовь же - хранение законов её, а хранение законов - совершенство нетления, а нетление приближает к Богу; поэтому вожделение премудрости возводит к вечному царству*»²⁶. И затем в седьмой главе говорит, что вожделел её настолько пламенно, что всё другое «*почитал за ничто в сравнении с нею*» и «*полюбил её более здоровья и красоты и избрал её предпочтительно перед светом*». И «*призвал Бога, и сошёл на него дух премудрости*»; и тогда «*вместе с нею пришли ко нему все блага*», хотя он и «*не знал, что она – мать всех*», ибо «*бесконечна сокровищница её; кто пользуется ею, входят в содружество с Богом*»²⁷.

Отсюда нам урок, как достигают мудрости: получить её можно только как дар Божий; и даёт её Бог только тому, кто стремится к ней на высшем пределе желания; и возможно такое желание в человеке только, если будет *вожделеть* научения ей, и любить её, и *хранить её законы*; соблюдение же законов предохраняет душу от *тления*, чтобы она оставалась пригодна к получению мудрости (ибо в *лукавую душу*, согласно Прем. 1, *она не войдёт*²⁸); и кто так *хранит законы* её и *любит её более здоровья и красоты*, к тому она, когда её *призовут, сходит*, ибо, как сказано в Прем. 6, её *легко увидеть любящим её, и найти ищущим её*²⁹.

6. Ещё стоит обратиться к тому, что говорит о [празднуемом] таинстве святой Дионисий в «Церковной иерархии». Он именует его «*таинством синаксиса, или общения*» и «*совершительностью таинств*». «*Таинством общения*» называется потому, что оно есть *приобщение*, или *общение*, а также *собрание*, поскольку всякое таинство, как он говорит, установлено,

«чтобы наши большей частью раздробленные жизни собрать в то единовидное состояние, каким соединяемся с Богом, и этим божественным собиранием наших раздробленностей ущедрит нас

²⁴ Прем. 9, 1-2

²⁵ Прем. 7, 26

²⁶ Прем. 6, 17-20 (Вульг.)

²⁷ Прем. 7, 7-14 (так у НК)

²⁸ Прем. 1, 4

²⁹ Прем. 6, 13

недробимым общением и единством с Тем, Кто поистине един. Мы поэтому утверждаем, что действительность прочих священных символов, в коих нам даруется приобщение божеству, заключена в действительности этих совершительных Даров»³⁰.

И много ниже добавляет о способе священной действия этого таинства, когда единый преломленный понтификом хлеб раздаётся множеству, собирая множество в единство и приобщение Телу Христову. Таким же образом каждому раздаётся и от единой Чаши³¹. Обо всём подобном смотри у самого этого божественнейшего учителя - и найдёшь, что празднуемое таинство есть таинство общения, поскольку делает нас членами единого Иисуса при том условии, что мы держимся Его учения и подражаем Его жизни. Тем самым это есть таинство мистического Тела Христова, освобождённого от власти князя мира сего и облечённого для обретения нетленной жизни небесным благообразием.

Воспринявшее нашу природу Слово Божие питает нас при том условии, что мы вошли в сопричастие Его мистическому Телу, сакрамент Которого перед нами. Единение Слова Божия с человечеством Иисуса обладает мощью столь великой, что её хватит на допуск к соучастию и соединению с Ним всех христиан. Способны к такому соединению те верные, чья вера оформлена любовью. Христос молился, чтобы Его люди пребывали в единстве с Ним так же, как и Его человечество соединено с Богом; и чтобы все верные были с Ним одно, т.е. находились в окончательном и совершенном единении, (7.) что, однако, принадлежит сакраменту окончательного соединения с животворящей в вечности жизнью (отметь в этой связи завершительную молитву мессы, в которой говорится что *временное восприятие* сакраментов здесь *проображает* вечное там³²). Причём если вдуматься глубже, переход от этого мира к жизни вечной есть переход от веры к видению, поскольку вера есть *гадательное* видение того видения, которое [там будет происходить] в истине и *лицом к лицу*³³. Тогда ясно, что перед нами – «таинство таинств»³⁴, и что в нём – окончательная действительность веры, поскольку в нём принимаем ту будущую жизнь, что изображаема всеми таинствами, хотя, пока душа находится в смертном теле, и неявно.

Потому Христос и сказал, что не умирает тот, кто усвоит Его телесно (именно на такое усвоение указывает слово «*ядущий*»), но, - говорит Он, - даже если умрёт,

³⁰ Здесь и ниже – ссылки на вступительную часть III главы «О церковной иерархии» в переводе Траверсари, где «σύναξις» либо даётся без перевода, либо поясняется как «collectio»; а «κοινωνία» - как «communio sive societas»; «единовидное состояние, каким соединяемся с Богом» («in unicum statum, quo Deo iungimur») - «εἰς ἑνωεῖδῆ θεόσιν».

«Священный символ» или «знак» (signum) - одно из схоластических определений святыни таинства (sacramentum)

³¹ Дионисий Ареопагит, «О церковной иерархии» III, 12-13

³² запричастная молитва мессы праздника Тела Христова цитируется у НК также в ССXXXV, 12; Письмо novice Николаю, 60

³³ Visio aenigmatica - visio facialis – 1 Кор. 13, 12; см. также CCLXXV, 17

³⁴ Дионисий Ареопагит, «О церковной иерархии» III, в начале

будет жив, перейдя смертью телесной от смерти к жизни³⁵. Вера – потенция, видение – действительность; вера – от мира сего, действительность – от мира грядущего, причём в действительности не найти того, чего не было в потенции. Вера, когда душа через слово примет её в себя, преображает: действием веры разумная душа переходит от смерти к жизни. Поскольку жизнь разума (intellectus) – разумение, то смерть разума – незнание. Слово мудрости, проникая в ум, заставляет его перейти от незнания к мудрости, от смерти к жизни, незнание оно убивает, так что в уме остаётся жить одна только эта сообщённая уму словом мудреца мудрость, каковая мудрость есть жизнь пребывающая (ибо мудрость не умирает со смертью тела, в чём согласны между собой не только наши святые, но и Платон в «Федоне», и другие философы). Точно так же вера, подразумевающая, что принимаемое слово есть произнесённое Сыном слово Бога Отца, заставляет душу перейти от незнания к Премудрости Божией, тем самым убивая то, что от плоти и от незнания Бога, и перенося животную душевную жизнь в собственную жизнь духовную.

8. О сладчайший Иисусе, я, смиренный грешник на этом торжестве, где совершаем память таинства нашего оживления, вглядываюсь в невозможность ничему быть желаннее жизни, имея в виду жизнь истинную, которой не бывает без радости. Сильнее всего любим мы (diligimus) истинную жизнь, которую можно назвать также и самой любовью (caritas), ибо что в любви желаннее самого любовного влечения (amore)? Но если жизнь любима превыше всего, то она, разумеется, и превыше всего желанна; отсюда следует, что жизнь, которая не желанна превыше всего, не любима. Но жизнь, превыше всего желанная, есть жизнь полная радости, так как истинная радость жизни желанна всегда и навсегда. И если кто спросит меня, предпочту ли я не жить, чем жить жизнью неразумных животных, то я скорее выберу не жить, ибо предлагаемая жизнь для разумного духа – не жизнь: лишённую разума, он не принимает её как истинную жизнь. Я, следовательно, хочу вечной жизни, только если она разумная, или умная.

Но как возможна для меня бессмертная разумная жизнь без пищи? Ни для кого невозможно наслаждаться жизнью, если его не накормят. То, что бытием своим обязано не себе, не может быть обязано себе и тем, что сохраняется в бытии. Моя разумная жизнь своим бытием обязана не себе, ведь она не бесконечность и не вечность. Будь она бесконечна, она не допускала бы роста, но я когда-то был несмышлёным младенцем и в пользовании разумом возрастал. Благодаря знанию, что мой разум не себе обязан своим бытием (как бы он тогда давал бытие сам себе?), у меня есть опыт свободной воли при великих желаниях и малых возможностях. Поэтому мой разумный дух не иначе как сотворён по воле Твоего, Боже мой, всемогущества. Но тогда необходимо, чтобы и питание разумной жизни тоже было от Тебя, Бога моего, Которому она обязана тем, что она жизнь.

³⁵ Ин. 6, 51-58

9. Но что питает разумную жизнь, как не пища ума, каковой является *неувядающая Премудрость*³⁶, т.е. то Слово, что призвало мой дух к бытию? Это Слово есть бесконечный Разум, призвавший мой разум из ничего к бытию разумом. Одна только Премудрость, в силу которой я есмь то, что я есмь, следовательно, способна предохранить мой разум от всякого тления и смерти. И когда Ты, о Премудрость, зовёшь меня жить, Ты говоришь во мне. Обращиваясь на зов, чтобы увидеть, [откуда] голос, или слово, я обращаюсь тогда к моей жизни и получаю от животворящей Премудрости питание, ибо что значит [для меня] увидеть Премудрость-Сотворительницу говорящей внутри ума [моего], как не заполучить внутри себя вкушением невыразимой сладости источник жизни?

Господи, как призвал Ты через Премудрость все разумные духи к бытию, так теперь зовёшь их, говоря со всеми ими, к жизни. Со всеми говорит одно и то же Слово, призывая всех к соучастию той вечной Премудрости, Которой они обязаны тем, что они суть. Все, кто слышат зовущего, обращиваются увидеть то Слово, что говорит в них. Все разумные духи слышат, таким образом, одно Слово, обращиваясь к видению, т.е. восприятию, источника жизни.

10. О сладчайший Иисусе! Ты воспринял мою природу, чтобы я, не слышавший Твоего голоса (голоса Слова и Премудрости) на небе, услышал его на земле и [обернувшись] смог увидеть на небе Того, Кто зовёт меня на земле. Услышать Слово Божие в этом мире я не могу: мир не вмещает истины, а Слово Божие есть истина; поэтому Слово облеклось принадлежащей этому миру страстной человеческой природой, чтобы, когда позовёт меня, я смог услышать Слово Божие в человеческом голосе. Однако и увидеть Тебя, Бога, в этом мире нельзя; поэтому Ты возвестил мне Словом Твоим, что, если расслышу Слово Твоё здесь, то там, где царствует истина, поистине восприму, или увижу, Тебя. Но такое видение - не что иное, как внутреннее вкушение нетварной Премудрости, которая единственная есть жизнь животворящая. Следовательно, достигший такого – дающего в себе увидеть Слово Божие – видения человек будет Твоим сопричастником. Так будет с тем, кто верует Тебе, ибо Ты – возвещающий и благовествующий истину Посланец Отца; а кто доверился Богу, тому обмануться невозможно. В память этого обещания - что верующий Тебе и следующий за Тобою придёт к сопричастию Тебе – Ты и оставил нам сие таинство, которое приближает нас к Твоему сопричастию, когда мы, веря в возможность множеству причаститься Тебе единому, верою усматриваем под чувственными знаками подкрепление разумной жизни и вкушаем пищу жизни вечной, зная, что вера в мире сем в ином мире станет видением, поскольку и у веры, и у видения одна истина, здесь затемнённая чувственными знаками, а там ясная и очевидная (facialis). Тебе хвала и слава вовеки.

11. Кроме того, мне думается, что таинство сие есть Новый Завет, утверждающий мирный союз Бога и человека. В связи с этим стоит отметить у Гермеса Трисмегиста о том, как человек привязывает дух к [тому или иному] изваянию, где тот и поселяется. Утверждая, что искусство это открыто египтянами, Гермес

³⁶ Прем. 6, 13

самым удивительным признает то, что человек делает себе богов сам³⁷. Об этом привязывании [духа к изваянию] пространно толкует в пятой книге «Приготовлений к Евангелию» Евсевий³⁸. Происходит такое привязывание, несомненно, в силу веры. Например, нечто подобное происходит после определённых священнодействий, в которые верят сами волхвы: вера наделяет дух волхва властью над тем тварным духом, которому он повелевает. Это похоже на то, как заклинатель посредством слов повелевает душе змеи, а змея, зная, что, если услышит слова, то с необходимостью покорится приказу заклинателя, чтобы не слышать их *«затыкает уши»*, по слову пророка Давида³⁹.

Если, стало быть, *вера укрепляет*⁴⁰ дух человека над духом и князем здешнего воздуха⁴¹, так что дух этот – тем, что человек повинуетя ему как богу и исполняет волю не свою, но этого духа – даёт привязать себя к телесной вещи (дух повинуетя, чтобы через это приобрести и того, кому по видимости повинуетя, и божественные почести), то тогда ясно: если вера открывает возможность призвать даже лукавого духа и обманщика, то с гораздо большей надёжностью, чем духа убивающего, вера способна призвать в наш дух *Духа животворящего*, чтобы Он жил и говорил в нас; к Нему дух души нашей прилепится прочнее, чем изваяние – к [духу] лукавому.

12. Такое единение через вызывание или призывание наступает тогда, когда остаются верны переданному Христом искусству, т.е. соблюдению – согласно заключённому договору – заповедей любви и чистоты. Волхвы, желая призвать, чтобы получить у него наставление, некий дух, на определённых условиях входили в союз с этим духом, как, например, в 8 главе книги Судей: *«заключили с Ваалом союз»*⁴², и оставались верны заповедям этого духа, не преступая, словно это некая святыня, его порядка телесных очищений, обрядовых и законнических установлений. Вся библейская история учит нас, что Бог был призываем некими договорами и союзами, и что пока эти союзы, обряды и святыни оставались сохраняемы, Бог тоже хранил верность, являясь на зов и выслушивая его. Но когда [люди] не хранят союза, Дух Божий отверщается от них (о чём говорится в 29 главе Второзакония⁴³, как и у всех почти пророков).

А затем пришёл Иисус Сын Божий, научивший нас, что *Духа пребывающего*⁴⁴ и вечно животворящего призвать в себя возможно, и Собственным словом и примером давший нам предписания и [показавший] способ, как это может быть; так что если вера в успех будет в нас такая же, какая была у Него, и если будем

³⁷пс.-Гермес Трисмегист, «Асклепий» 23-24 (сохранились маргиналии НК); см. также у НК «О мире веры» VII, 20; Августин, «О граде Божиим» VIII, 23-26;

³⁸ Евсевий Кесарийский. «Приготовление к Евангелию» V, 15; 21 (сохранились маргиналии НК к этому месту)

³⁹ Пс. 57, 5

⁴⁰ Рим. 4, 20

⁴¹ Еф. 2, 2

⁴² Суд. 8, 33 (Вульг.)

⁴³ Втор. 29, 18 слл.

⁴⁴ Ин. 14, 17

поступать, как Он учил и поступал, то тогда несомненно добьёмся вселения в нас Духа.

13. И обрати внимание, что союзы, договора, обещания и клятвы подразумевали некое неназванное соглашение («даю, чтоб и ты дал», «делаю, чтоб и ты сделал») и имели в виду блага этого чувственного мира. Всё почитание богов, или *Бога богов*, проистекало из договорённости, по которой такое богопочитание принесёт человеку земные блага. Потому всё богопочитание и сводилось к неким чувственно данным сакраментальным знакам, что в качестве воздаяния ожидалось тоже что-то доступное чувственному восприятию; это видно из договора между Богом и Авраамом в 17 главе Бытия⁴⁵, как и из другого более позднего – «с семенем его», о которой говорится в Ветхом Завете всюду.

И только Христос, придя, возвестил, что *Бог есть дух, и поклоняться Ему следует в духе*⁴⁶. Он открыл смысл и духовное понимание Писания, установил духовное богопочитание и пообещал духовное воздаяние (а именно *жизнь вечную*, которая даётся нашему духу Тем Духом, Который есть Бог), благовествуя, что Царство Небесное – не от мира сего. Он научил, что всё, чего ни пожелает дух, возможно человеку через неколебимую веру в том смысле, что вера prepares вмещающую способность нашего духа к принятию Духа Божия.

14. Открытое через Иисуса обещание Божие состоит в том, что верные *верою* получают *благословение Авраамова и Духа* (3 глава к Галатам⁴⁷), причём это следует из Завета Божия, согласно которому мы призваны к наследованию, а следовательно и к сыновству, ибо наследник – сын; и это – через Сына Иисуса, согласно сказанному в 1 главе у Иоанна: «*А тем, которые приняли Его* - т.е. приняли Иисуса, Который также есть и Слово Бога, благовестованное Им через Сына Своего Иисуса – тем Бог дал власть быть сынами Своими, т.е. *Божиими, если веруют в Него*»⁴⁸. Кто верует, что Человек Иисус есть Сын Божий, тот имеет веру как в возможность Человеку быть Сыном Божиим, так и в возможность себе самому, поскольку тоже человек, обрести сыновство Богу.

Что касается обретения верующим того, на что надеется, то Иисус сказал, что совершается оно через любовь (*per dilectionem*)⁴⁹: любовь такого верного вызывает схождение Духа Божия в ревностную душу.

Далее, *вера*, равно как и любовь (*caritas*), должна *достичь совершенства*⁵⁰ (в том числе сила [любви] к ближнему должна быть такой, чтобы обидчику воздавать добром) - с тем чтобы Духом Отца, Который есть Дух духов и совершенство добродетельной силы) нам обладать заслуженно, как обладал Им

⁴⁵ Быт. 17, 7-8

⁴⁶ Ин. 4, 24

⁴⁷ Гал. 3, 14

⁴⁸ Ин. 1, 12

⁴⁹ Ин. 13, 24

⁵⁰ «*fides consummata*» – Иак. 2, 22

Христос (Кол. 1: «*Благоугодно было Отцу, чтобы в Нём обитала всякая полнота*»⁵¹).

Об этом в другом месте⁵²; однако помни: когда *душевный человек* приходит к тому, чтобы, *возродившись духом*⁵³, подлежать уже тому духовному закону, который есть закон совершенный⁵⁴, тогда произнесением отречений и принятием обязательств он – при посредничестве действующего от имени Христа священника – заключает контракт с Богом; таинство крещения есть принятие условий договора с верой, что если крещаемый соблюдёт условия, то получит обещанное, т.е. [получит] вот это: «*Где Я, там и слуга Мой будет*»⁵⁵.

15. Мы видим, однако, сначала откровение Божие; затем – Того, Кому это откровение было дано, *Посредника между Богом и человеками*⁵⁶ в заключении союзного договора; затем – *знамения* союзных договорённостей. Так Бог сначала явил Себя Аврааму в 17 главе Бытия: «*Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь совершен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма размножу тебя*»⁵⁷. И там же дальше указано *знамение* договорённости – обрезание⁵⁸. Договорённость состояла в том, что [Бог] будет *Богом Авраама*, а [Авраам] будет относиться к Нему как к Богу, чтить Его и в собственной плоти носить *знамение* этой договорённости – обрезание, сам и *семя его*, под страхом смерти. Именно так – наказанием за несоблюдение договора между Богом и Авраамом и *семенем его* была смерть!

Авраам поверив, что говоривший с ним был Богом, тем самым поверил и Самому [говорившему], и получил откровение, и сделался посредником между Богом и всем домом своим и семьёй своей, ибо [через Авраама] вступили в союз [все] они, и обрезание принял весь мужской пол. Точно так же и Моисей, получив откровение, сделался посредником между Богом и народом израильским Втор. 5⁵⁹); таков же и Христос – *Посредник между Богом и человеками*⁶⁰, причём, по словам Павла, [Посредник] не для одного какого-то народа, а для всех.

16. *Скрижали договора*⁶¹ между Богом и народом, заключённого при посредничестве Моисея (о которых в 9 главе Второзакония) суть записанные на скрижалях десять заповедей, или десять параграфов, а Писание называется «*Ветхим Заветом*», [т.е. «завещанием»] или подконтрактным «*документом*»⁶². В этом контракте было как письменное соглашение оформлено то, что уже было

⁵¹ Кол. 1, 19

⁵² например, «Наука незнания» III, 4

⁵³ ср.: Тит. 3, 5

⁵⁴ «lex consummata» - см.: ССХХVII, 10

⁵⁵ Ин. 12, 26

⁵⁶ 1 Тим. 2, 5

⁵⁷ Быт. 17, 1-2; «совершен» («perfectus») – синод. «непорочен»

⁵⁸ Быт. 17, 10-14

⁵⁹ Втор. 5, 4-5

⁶⁰ 1 Тим. 2, 5

⁶¹ «tabulae pacti» - Втор. 9, 9; синод. «скрижали завета»

⁶² «testamentum seu etiam instrumentum» - см. прим. к CLXXIV, 11

[соглашением] естественным, ведь в самом по себе разуме уже содержатся все параграфы [этого договора], кроме заповеди субботнего дня. Однако небрежение естественным законом привело к тому, что злоупотребление отменило его (люди стали следовать страстям своей похоти, ведомые движением чувств на угождение плоти), и это стало причиной того, что на скрижалях уже обновлённый [естественный закон] был приведён в виде развёрнутого соглашения.

Аврааму было сказано *ходить пред Богом и быть совершенным*⁶³. В этих немногих словах свёрнуты законы естества, так как [требование] *ходить перед Богом и быть в этом совершенным* заключает в себе весь [естественный закон]: кто *ходит перед Богом, будучи совершен*, тот движим разумом и не уклоняется от него; тот знает, что верить и поклоняться нужно объявившему Себя всемогущим единому Богу; и что другому не следует делать того, чего не хочешь себе. Таковы по договору обязательства *Авраама и семени его*, они относятся к естественному закону. Однако договор дополнен особым обязательством, [налагаемым] на выбор, который [до того] был свободен, а теперь договором ограничен соблюдением естественного закона, чтобы свобода впредь не использовалась для преступления этого закона. Обрезание же включено в договор как сакраментальный знак⁶⁴ этого обязательства.

Моисей получил в точности то же самое, только развёрнутым на *скрижалях договора*, причём суббота, по-видимому, добавлена как сакраментальный знак этого договора (как в 20 главе у Иезекииля: «*Дал им субботы Мои в знамение между Мною и ими*»⁶⁵), почему и сам Моисей, и пророки после него предупреждали о безусловности требования соблюдать субботу. Как видим, обрезание и суббота установлены ради прочности договорённостей между Богом и семенем Авраамовым.

17. Христос же, *Посредник между Богом и человеками*, подтвердив, что договорённости между Богом и человеком остаются теми же, что и при Аврааме и Моисее, открыл сверх того ещё и духовный их смысл. В этом Он стал Посредником Нового Завета, поскольку Бог пожелал, чтобы все обновлённые на скрижалях, [а прежде того] неписанные естественные условия договора были восприняты ещё и духовным смыслом, каковой смысл есть *Дух животворящий* и Слово Божие, питающее душу нескончаемой жизнью. Сакраментальным же знаком [этого *Нового Завета*, или *Нового Договора*, очевидно, является евхаристия, Иисус ведь сказал: «*Сия чаша есть Новый Завет в Моей крови*»⁶⁶. В этом сакраменте усвоение нашей природой Слова Божия как питания разумной души происходит верою так же, как после смерти ожидаем того же в реальности.

Союз Нового Завета – это [союз] между душой и Словом Божиим, и этот союз – тот же самый, что был между Богом и Авраамом и семенем его, однако тогда он

⁶³ Быт. 17, 1

⁶⁴ см. прим. к ССХХV, 1.

⁶⁵ Иез. 20, 12

⁶⁶ Лк. 20, 22

оставался тайным: в естественном чувственном движении и в обещании временного счастья таилось и скрывалось движение сверхъестественное и обещание счастья вечного, или сверхвременного, так же как в тленных письменах скрижалей таится нетленный духовный смысл Слова Божия, самостоятельно отыскать который без Того Наставника, в Ком Слово Божие пребывает, не дано никому, почему и нужно было, чтобы Иисусу поверили, что Он – Слово и Сын Божий.

«Не верующий в Сына не увидит жизни вечной»⁶⁷ (Ин. 3), потому что Он – «лучшего и нового завета Посредник» (Гал. 3; Евр. 8; 9 и 12⁶⁸), т.е. Посредник между Богом и человеком⁶⁹ в силу союза, согласно которому душа верит, что у Него – глаголы жизни вечной⁷⁰. Принимая этот союз, душа обретает всякое совершенство; причём принимать его она должна так, как хватается изголодавшийся человек за вожделеннейшую пищу, ничуть не сомневаясь, что пища эта вернёт ему радость жизни. Сакрамент этого союза – евхаристия, установленная, как учит нас Павел, в память как Посредника, так и союза, по слову нашего Наставника и Посредника: «Сие творите в Моё воспоминание»⁷¹.

18. Разбери, что Бог наделил нашу умную природу двумя возможностями: возможностью услышать о славе и возможностью увидеть её. Возможность услышать о славе дана нам как насельникам мира сего, где правит тьма и где мы удалены от Бога, как земля от неба, находясь в области, далёкой от Царства славы света и истины. Возможность увидеть дана нам как тем, кто приближается к небу, переносясь к нему от земли, т.е. переносясь от мира сего к самому Царству славы.

Коль скоро возможность услышать о Царстве Божиим нам свойственна, то мы, поскольку слышимое нами есть слово, можем, следовательно, услышать слово о Царстве. Но так как никто, кроме Бога, не может сказать нам о Его Ему одному известном Царстве (славы Царства не знает никто, кроме Того, Кто Сам есть Своя слава, как никто не знает того, что в человеке, кроме самого этого человека и того, кому он откроет), то поэтому Бог одарил нас ещё и возможностью поверить: не имея власти поверить слову Божию, мы не смогли бы и уловить в услышанном славы, то есть без веры ничего о невидимой славе Божией открыться бы нам не смогло, отчего Бог и одарил наш интеллект возможностью поверить, чтобы благодаря доверчивости он схватывал в услышанном откровение.

19. Поскольку же нельзя поверить против собственной воли, но только добровольно, и поскольку воля свободна, то, таким образом, в нашей власти поверить или нет. Выбрав веру, мы подчиняемся тогда слову как умом, который отдаём в рабство, так и волей. «Верить, - как говорит Августин в

⁶⁷ Ин. 3, 36 (так у НК)

⁶⁸ Гал. 3, 19-20; Евр 8, 6 («melioris testamenti mediator» - синод. «лучшего ходатай завета»); 9, 15; 12, 24 («novi testamenti mediator» - синод. «ходатай нового завета»);

⁶⁹ 1 Тим. 2, 5

⁷⁰ Ин. 6, 68

⁷¹ 1 Кор. 11, 24

«Предопределении святых», - значит мыслить о чём-то с согласием»⁷²: в самом акте веры око ума соглашается с ушами, или зрение соглашается со слухом, как, например, слыша достоверное сообщение о невиденной мною красоте, я мыслю о ней с согласием.

Однако очевидно, что вера не есть в чистом виде ни слух, ни зрение ума, но располагается ниже зрения и выше слуха, мы ведь не соглашаемся со всем, что слышим, равно как и не видим всего, с чем соглашаемся, но когда верим услышанному, то соглашаемся с невиденным.

Ещё отметить, что нашей невосприимчивой к видению славы умной природе слава могла открыться только через веру. Поэтому возможность поверить открыта любому хоть как-то причастному свету разума уму, так как для неё не требуется остроты зрения, но достаточно зрения хоть какого-то, отчего к вере расположены простецы, чей слух подготовлен лучше [зрения]. Мы из опыта знаем, что те из нас, кто более внимательны к видению, менее расположены к слышанию, и наоборот.

Однако всякому ученику надлежит, во-первых, внимательно слушать, а затем внимательно продумывать услышанное, чтобы в конце концов суметь разглядеть в себе истину услышанного. Кто совершенно лишён света разума, тот неспособен поверить, поскольку не может ни мыслить, ни соглашаться. Поэтому *младенцам* и простецам, более расположенным к вере, чем знатоки и мудрецы века сего, то, что относится к Царству Божию, открывается, а от мудрецов - по слову Иисуса - остаётся *утаённым*⁷³. И для того, чтобы уловить откровение, муж должен стать *младенцем*, а *мудрец – безумцем*⁷⁴ (т.е. всё знание, которым мнил себя знающим что-то о Царстве Божием, он должен принять за безумие, поскольку никогда *не приходило на сердце человеку*⁷⁵ ничего похожего на Царство Божие), и тогда, подчинив себя Царству Божию, сможет уловить.

20. Изрекаемое Богом есть Его всемогущее Слово, о котором говорили и писали Моисей и прочие пророки. Что другое содержится в всем Священном Писании. как не значение Слова Божия? Вся святые писатели и пророки засвидетельствовали, что то, чем Бог действует во всём, есть Слово Божие, а себя они признают глашатаями Слова, назначенными открыть Его призванному к боговидению народу, именуемому «Израилем»⁷⁶.

Причём Иисус – это глашатай, или «легат», Бога, в Котором [дано Само] Слово Отца, тогда как во всех других глашатаях - [лишь] слово о Слове Божием. Другие глашатаи и пророки говорили, что слышали, ибо, как *открыл Единородный, «Бога не видел никто»*⁷⁷; Иисус же [говорил], что видел. Однако «пророк» значит

⁷² Августин, «О предопределении святых» II, 5

⁷³ Мф. 11, 25

⁷⁴ Мф. 18, 2-3; 1 Кор. 3, 19

⁷⁵ 1 Кор. 2, 9

⁷⁶ «Израиль» - «боговидец» (традиционная этимология)

⁷⁷ Ин. 1, 18

«видящий»⁷⁸; следовательно все другие пророки свидетельствовали о величайшем (*de maximo*) пророке [как таковом] – Иисусе, что [именно] Его слово есть слово Отца. Среди пророков один больше другого; следовательно – поскольку во всём допускающем «больше» и «меньше» приходят к максимуму – должно было дойти до наивысшего из пророков, о Котором Моисей предсказал, что Бог Его *воздвигнет*⁷⁹. Иисус, вершина пророков, видел то, что говорил о Царстве Божиим, не в откровении, как прочие, но Сам по Себе⁸⁰, тогда как прочие, [видевшие] в откровении, [видели только] то, что откроет им то Слово Божие, что в Иисусе обитало телесно. Тем самым все пророки поставлены Воплощённым Словом, Которое зовут Иисус.

Итак, восхвалим удивительную милость Бога, одарившего нас властью поверить, что Слово Его облеклось в человеческую природу, дабы благовествовать нам Его Царство, и что, приняв это Слово в себе самих, мы сможем обрести тем самым счастье видения.

21. И поскольку счастье есть не что иное, как дополнившая природу благодать, которая оставалась неизвестной, пока о ней не возвестили Иисус и Его апостолы, то отсюда очевидно, что философы не преуспели в счастье. Кому-нибудь может показаться, что Аристотель затронул что-то [существенное] в десятой книге «Этики», где назвал счастливую жизнь более высокой по сравнению с жизнью человеческой:

«Так он будет жить не поскольку он человек, а поскольку в нём присутствует нечто божественное; и в какой мере это [божественное] отлично от [человеческой] сложности, в такой же и [божественная] деятельность [отлична] от той [деятельности], что подчинена другой добродетели. И если ум сравнительно с человеком божествен, то и подчинённая ему жизнь божественна сравнительно с человеческой жизнью»⁸¹. Таковы его слова.

Аристотель здесь, по-видимому, имеет в виду, что сообразная уму деятельность (т.е. созерцание) в которой мы уподобляемся Богу, есть высший предел счастья и удовольствия⁸². Ум же этот он называет здесь божественным⁸³, бессмертным и нетленным, превосходящим как ценность и как добродетель всё человеческое.

Верно и то, что Аристотель говорит о других добродетелях, сообразных [человеческой] сложности, и даже о другом, сообразном сложности, счастье. Он утверждает, что все добродетели – за исключением названной [добродетели] ума (т.е. созерцания) сообразны человеку и [его] сложности, а счастье, сообразное отдельности ума (понимая под ним счастье сообразно деятельности

⁷⁸ «пророк» – «видящий» («videns») – 1 Цар. 9, 9 (синод. «прозорливец»)

⁷⁹ Втор. 18, 15

⁸⁰ вар.: «видел Царство как оно есть само по себе»

⁸¹ Аристотель, «Никомахова этика» X, 7 1177 b27-31 (см. пер. Н.В. Брагинской)

⁸² там же, 1178a1 sqq.

⁸³ там же, 1177 a16-17

ума, т.е. созерцанию) называет иным⁸⁴. В его понимании ум - это нечто по сравнению с другим, что в нас есть, божественное; кроме того ум обладает собственной естественной деятельностью, состоящей в созерцании, и в этом своём естественном деле, в доставляющем максимум удовольствия созерцании ум обретает окончательное счастье.

И здесь Аристотель ошибается. Для чувственного ока наслаждение – видеть свет, однако увидеть свет невозможно, пока он сам не пошлёт свой луч в сильный и восприимчивый к нему взгляд, посредством которого и делается видимым; точно так же абсолютную истину, т.е. бесконечный свет, невозможно созерцать без сияния её славы. Отсюда, поскольку счастье – это совершенство, и всё, что относится к счастью, должно быть совершенным (с чем здесь же соглашается и сам Аристотель⁸⁵), то тогда без совершенства в созерцании истины нет и счастья. Однако в совершенстве свет (*lux*) тот можно увидеть только в его собственном сиянии (*lumine*), причём даётся сияние славы восприимчивому к ней уму благодатью. А каким образом становится ум наш восприимчив к этой благодати, и как возможно ему обрести её – об этом узнаём из откровения Иисуса, нашего Учителя⁸⁶.

⁸⁴ там же, X, 8 1178 a10-23

⁸⁵ там же, X, 7 1177 b24-26

⁸⁶ ср. CCLXXXIX, 6